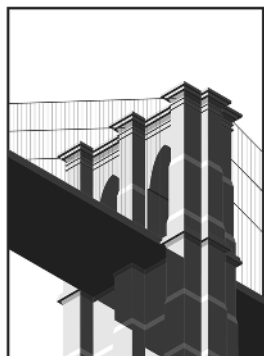

**БРУК
ЛИН
СКИЕ
ГЛУПОСТИ**

ПОЛ
ОСТЕР

БРУК
ЛИН
СКИЕ
ГЛУПОСТИ

Москва
2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
О-76

Paul Auster
THE BROOKLYN FOLLIES

Copyright © 2006 by Paul Auster
All rights reserved

Перевод с английского *Сергея Таска*
Художественное оформление *Петра Петрова*

Остер, Пол.

О-76 Бруклинские глупости / Пол Остер ; [перевод с английского С.Э. Таска]. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-04-109728-8

Натан Гласс перебирается в Бруклин, чтобы умереть. Дни текут размеренно, пока обстоятельства не сталкивают его с Томом, племянником, работающим в букинистической лавке. «Книга человеческой глупости», над которой трудится Натан, пополняется ворохом поначалу разрозненных набросков. По мере того как он знакомится с новыми людьми, фрагменты рассказов о бесконечной глупости сливаются в единое целое и превращаются в историю о значимости и незначительности человеческой жизни, разворачивающуюся на фоне красочных американских реалий нулевых годов. «Бруклинские глупости» — это неторопливое и искреннее повествование от одного из самых значительных американских писателей.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-109728-8

© Таск С., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Моей дочери Софи
посвящается*

Увертюра

Я искал место, чтобы тихо умереть. Кто-то посоветовал мне Бруклин, и на следующее утро я отправился туда из Уэстчестера, чтобы провести рекогносцировку на местности. Последний раз я был здесь пятьдесят шесть лет назад, и в памяти ничего не осталось. Мне было три года, когда родители отсюда уехали, и теперь инстинкт привел меня, как раненого пса, в родные места. Местный агент по недвижимости показал мне шесть или семь квартир в домах из бурого песчаника, и к обеду я снял две комнаты в небольшом доме с внутренним двориком на Первой улице, в двух шагах от Проспект-парка. Я еще не видел своих соседей и не горел желанием. Меня вполне устраивало, что с девяти до пяти они на работе и что детей у них нет, — значит, днем тишина. То, что мне нужно. Тихо кончить свою безрадостную, дурацкую жизнь.

На наш дом в Бронксвилле уже нашелся покупатель, так что по завершении сделки вопрос о деньгах сам собой отпадал. Мы с моей бывшей женой договорились поделить вырученную сумму поровну. Имея четыреста тысяч долларов в банке, я мог спокойно ждать, когда испущу дух.

Поначалу я не знал, куда себя деть. После тридцати одного года мотания между пригородом и манхэттенским

офисом страховой компании «Мид-Атлантик» вдруг выяснилось, что в сутках слишком много часов. Примерно через неделю меня провела моя замужняя дочь Рэйчел, живущая в Нью-Джерси. Тебе нужно чем-то себя занять, сказала она, придумать какое-нибудь дело. Притом что Рэйчел — девушка неглупая, защитила докторскую по биохимии в университете Чикаго и ведет научные изыскания в крупной фармакологической компании под Принстоном, она, как и ее мать, изрекает исключительно банальности. Не проходит дня, чтобы я не услышал от нее какой-нибудь избитой фразы или готового рецепта из тех, что всегда отыщутся на свалке современной доморощенной философии.

Я ей объяснил, что могу не дотянуть до конца года и что в гробу я видал все эти «дела». Рэйчел уже готова была заплакать, но она сдержала слезы и назвала меня бездушным эгоистом. Неудивительно, добавила она, что «мама», в конце концов, с тобой развелась. Чаша ее терпения переполнилась. Жизнь с таким человеком, как ты, должна была превратиться для нее в бесконечную пытку, в сущий ад. «Сущий ад». Бедная Рэйчел, от себя не уйдешь. Двадцать девять лет прожить на свете и не родиться ни одной оригинальной мыслью, которая бы принадлежала ей и только ей.

Да, я бываю несносным, но только изредка и непреднамеренно. Когда со мной все в порядке, милее и доброжелательнее человека вы не найдете. Нельзя успешно страховать жизнь, не находя общего языка с клиентом, во всяком случае, на протяжении тридцати лет. Надо уметь расположить к себе. Уметь слушать. Уметь «обаивать». Всеми этими и другими качествами я обладаю. Не стану отрицать, бывали и прорухи, но, согласитесь, на то и брак

с его подводными рифами, чтобы мы налетали на них время от времени. Он таит в себе яд, особенно если ты, скорее всего, не создан для семейной жизни. Мне нравилось заниматься любовью с Эдит, но через четыре-пять лет страсть куда-то улетучилась, и постепенно мало что осталось от идеального супруга. Послушать Рэйчел, так и отец из меня вышел никудышный. Я не собираюсь оспаривать ее слова, но справедливости ради замечу, что я по-своему любил их обеих. Порой я действительно оказывался в объятиях других женщин, но я никогда не относился к этим романам всерьез. И развод не был моей идеей. Как бы там ни складывалось, я намеревался оставаться с Эдит до конца. Это она захотела свободы, и, с учетом всех моих грехов и грешков, я не вправе ее винить. После тридцати трех лет, прожитых под одной крышей, мы разбежались, в сущности, опустошенные.

Фразу о том, что дни мои сочтены (чистейшая гипербола), я бросил в запале, в ответ на бесцеремонные советы Рэйчел. Рак легкого перешел у меня в стадию ремиссии, и слова онколога после недавнего теста внушали определенный оптимизм. Это еще не значит, что он меня убедил. Шок от известия, что у меня рак, оказался слишком сильным, и я до сих пор не верил в вероятность благополучного исхода. Я давно распрощался с этим миром, и после того как у меня вырезали опухоль и я прошел изматывающий курс радио- и химиотерапии, после всех этих приступов тошноты и головокружения, после выпадения волос и паралича воли, после того как я потерял жену и работу, — где было взять силы жить дальше? Отсюда Бруклин. Отсюда бессознательное возвращение к началу начал. Мне было под шестьдесят, и сколько еще опущено, неизвестно. Двадцать лет? Два месяца? Глав-

ное, ничего не принимать на веру. Пока дышится, надо учиться жить заново. Но даже если дышать осталось недолго, нельзя сидеть сложа руки и ждать конца. Моя ученая дочь, как всегда, была права, хоть я по своему упрямству и отказывался это признать. Я должен был что-то делать. Оторвать зад от дивана и чем-то заняться.

В новую квартиру я въехал ранней весной, и первые недели заполнял тем, что обследовал близлежащие кварталы, подолгу бродил по парку или сажал цветы во дворике, на маленьком пятачке земли, который до моего появления годами был завален всяким хламом. Я постриг заново отросшие волосы в парикмахерской на Седьмой авеню в районе Парк Слоуп. Я брал напрокат фильмы в видеосалоне «Киношный рай» и частенько проводил время на «Чердаке Брайтмана» — в букинистической лавке, где книги были расставлены и навалены как попало, а заправлял этим бардаком ярко одетый педик Гарри Брайтман (о нем позже). Завтракал я в основном дома, но готовить я не люблю и повар из меня никудышный, поэтому обедал и ужинал я в ресторанчиках — всегда один, с раскрытой книжкой, медленно разжевывая каждый кусок, чтобы максимально растянуть этот процесс. Побывав в разных заведениях, я остановил свой выбор на ресторане «Космос». Еда там была в лучшем случае средняя, зато я сразу запал на хорошенькую официантку-пуэрториканку по имени Марина. Она была вдвое моложе меня и замужем, что исключало роман, но я не мог оторвать от нее глаз, к тому же она со мной была так мила, так охотно смеялась над моими не самыми удачными шутками, что в ее отсутствие я просто терял покой. Рассуждая с сугубо антропологических позиций, я для себя быстро открыл, что бруклинцы гораздо охотнее вступают в раз-

говор с незнакомым человеком, чем любое сообщество из тех, с какими мне дотопе приходилось встречаться. Они запросто суют свой нос в чужие дела (пожилая женщина распекает молоденькую мамашу за то, что та недостаточно тепло одела своих детей, а прохожий может отчитать владельца собаки за то, что тот слишком сильно натягивает поводок); из-за места на парковке они способны сцепиться, как истеричные малыши; разродиться блестящим афоризмом для них раз плюнуть. Однажды я зашел позавтракать в переполненную забегаловку с немыслимым названием «Ля пончик сказка». Я хотел попросить пирожок с реганом, а получилось у меня «пирожок с Рейганом». Парень за стойкой, не моргнув глазом, ответил: «Пирожки с Рейганом кончились, а ватрушку с Никсоном не желаете?» На автомате. Я чуть не уписался.

Вскоре после этой оговорки мне в голову пришла идея, которую моя дочь Рэйчел наверняка одобрила бы. Не сказать, что идея такая уж богатая, но все же лучше, чем ничего, и если от нее не отступать, а, наоборот, последовательно разрабатывать, то вот тебе и «дело», этакая детская лошадка, на которой можно ускакать от своего полусонного праздного существования. Затея-то пустячная, но название я решил ей дать громкое, чтобы не сказать помпезное, дабы уверить самого себя в том, что я собираюсь заняться чем-то важным: «Книга человеческой глупости». В ней я вознамерился описать в простой и доходчивой форме все ошибки и оплошности, нелепые ситуации и идиотские выходки, проявления слабости и недомыслия, — все, чем была так славна моя долгая и путаная жизнь. Если не хватит собственных историй, напишу про друзей и знакомых, а если и этот источник иссякнет, обращусь к Истории с ее неисчерпаемыми

примерами человеческой глупости, от приснопамятных времен до наших дней. По крайней мере, будет над чем посмеяться. У меня не было никакого желания выворачивать душу наизнанку или погружаться в мрачные раздумья. Тон легкий и ироничный, а цель одна: развлекать себя, желательнее каждый день и подольше.

Слово «книга» в данном случае неточное. Пользуясь чем придется — отрывными желтыми блокнотиками, стандартной бумагой, оборотной стороной конвертов, навязчивыми бланками на получение кредитных карточек и всяких займов, — я делал всего лишь хаотичные наброски, записывал невпопад анекдоты, и все это отправлялось в картонную коробку до следующей истории. В моем безумии отсутствовал метод. Отдельные заметки сводились к короткому абзацу, а столь любезные моему сердцу спунеризмы¹ и малапропизмы² состояли вовсе из одной фразы. Так, в школе у меня с языка однажды сорвался «голеный осурец» вместо «соленый огурец», а во время одной из наших с Эдит семейных разборок я глубокомысленно изрек: «Я увижу, когда поверю своими глазами». Всякий раз, прежде чем приступить к делу, я закрывал глаза и давал мыслям полную свободу. Расслабляясь таким образом, я мог выудить из памяти давно, казалось бы, забытые моменты. Так я вспомнил инцидент в шестом классе, когда на уроке географии полную тишину вдруг нарушил долгий и пронзительный, как звук трубы, пук в исполнении Дадли Франклина. Класс дружно грох-

¹ Случайная перестановка звуков или слов (*напр.* мошки с кышками *вместо* кошки с мышками). — (*Зд. и далее прим. перев.*)

² Подмена слова близким по звучанию (*напр.* Есть ли жизнь на Марксе?).

нул — что может быть смешнее для одиннадцатилетних подростков, чем испускание ветра? Однако этот конфуз так бы и остался в ряду себе подобных, если бы не одно обстоятельство, позволившее ему подняться до классических высот, стать своего рода шедевром в школьных анналах. Простодушный Дадли признался в своем авторстве. «Я извиняюсь», — сказал он, потупившись и заливаясь краской, пока не сделался цвета свежевыкрашенной пожарной машины. Но в таких вещах нельзя признаваться публично, есть же неписаный закон, первое правило американского этикета. Бздеж анонимен, он исходит ниоткуда и принадлежит всем и никому в отдельности, и даже если любой из присутствующих может пальцем указать на виновника, единственно правильной линией поведения остается несознанка. Дадли Франклина подвела честность, за что он жестоко поплатился. С этого дня его звали не иначе как Я-извиняюсь-Франклин, и эта кличка закрепилась за ним до окончания школы.

Записываемые мной истории попадали под разные рубрики, и после месяца работы, осознав необходимость в некоей системе, вместо одной картонной коробки я обзавелся несколькими. Одна — для словесных ляпов, вторая — для опрометчивых действий, третья — для вывернутых наизнанку идей, четвертая — для публичных конфузов и т.д. Мало-помалу во мне проснулся интерес к бурлескным мгновениям повседневной жизни. К банальным спотыканиям и ударам по голове, которых в моей биографии хватало. К неизбежно выскальзывающим из нагрудного кармана рубашки очкам, стоит только наклониться завязать шнурки ботинок (а потом, чтобы выставить себя уже полным недотепой, по инерции делаешь пару шагов вперед и с ужасом слышишь звонкий

хруст под ногами). Начиная с детского возраста подобные недоразумения преследовали меня на каждом шагу. Но этими, можно сказать, заурядными событиями дело не исчерпывалось. Однажды в пятьдесят втором году, на пикнике по случаю Дня труда, я широко зевнул, и мне в рот залетела пчела. Вместо того чтобы выплюнуть, я ее от неожиданности проглотил. А как-то раз, лет семь назад, я поднимался по трапу самолета, зажав посадочный талон между большим и средним пальцем, вдруг сзади меня подтолкнули, и мой талон умудрился проскользнуть в узюсенькую щель между трапом и самолетом, после чего, подхваченный ветром, отправился в самостоятельный полет.

Это лишь несколько примеров. В первые же пару месяцев я записал десятки подобных историй, но при всем моем старании выдерживать легкий и непринужденный тон мне не всегда удавалось. У каждого бывают тяжелые минуты, и я, признаюсь, нередко впадал в тоску и меланхолию. По роду деятельности мне приходилось торговать смертью, и в периоды депрессии не так-то просто бывало отрешиться от тягостных воспоминаний, связанных с разными клиентами и их личной жизнью, в которую меня посвящали. Позже добавилась еще одна коробка, с пометкой «Судьба». Первым туда попал Йонас Вайнберг. В 1976 году я застраховал его жизнь на миллион долларов, огромную по тем временам сумму. Он недавно отпраздновал свое шестидесятилетие, работал как специалист по внутренним болезням в Пресвитерианском госпитале и говорил по-английски с легким немецким акцентом. Страхование жизни — процесс не безболезненный. В трудных, порой мучительных спорах с клиентами надо уметь гнуть свою линию. Человек, задумывающийся

о своей смерти, неизбежно настраивается на серьезный лад, поэтому разговор с ним — это не только деньги, но и метафизические вопросы. В чем смысл существования? Сколько мне еще осталось? Чем после своего ухода я могу помочь близким людям? В силу профессии доктор Вайнберг остро ощущал хрупкость человеческой жизни, понимал, как легко стереть очередное имя в Книге Бытия. Мы встретились в его квартире, неподалеку от Центрального парка, я рассказал ему о плюсах и минусах разных страховых полисов, и он ударился в воспоминания. Родился он в шестнадцатом году в Берлине, отец погиб в окопах Первой мировой, так что его, единственного ребенка, воспитала мать-актриса, женщина отчаянно независимая, нервная, совершенно не думавшая о повторном замужестве. Если я правильно понял доктора Вайнберга, его мать отдавала предпочтение женщинам, и можно предположить, что в бурные годы Веймарской республики она демонстрировала свои предпочтения вполне открыто. Йонас, по контрасту с решительной фрау Вайнберг, был мальчиком тихим, книжным, примерным учеником, мечтавшим о карьере ученого или врача. Когда Гитлер захватил власть, ему было семнадцать, и мать, не теряя времени, предприняла шаги, чтобы увезти сына из Германии. Мальчика согласились забрать к себе родственники его отца, жившие в Нью-Йорке. Мать отправила его через океан весной тридцать четвертого, сама же, предчувствуя опасности, которые сулил Третий рейх гражданам неарийского происхождения, проявила упрямство и осталась. Сколько поколений ее семьи, коренных немцев, прожили в этой стране, сказала она сыну, и какой-то там тиран с двумя извилинами в мозгу не заставит ее отправиться в изгнание. Хоть умри, она будет держаться до конца.